

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ПАРАДИГМЕ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ З. ГИППИУС «И ЗВЕРИ»)

А. А. Сизикова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sizikovaanastasia64@gmail.com*

В докладе рассматриваются образы животных в парадигме христианских праздников в притче Зинаиды Гиппиус «И звери». Определяются жанровые особенности притчи, их образно-идейная специфика. Отдельное внимание уделено выявлению сходства и различия в мировоззрении писательницы с традиционным христианским взглядом о возможности посмертного воскрешения не только людей, но и животных. Также анализируется специфика художественного воплощения животных в контексте их библейского толкования, определяется соответствие художественного изображения животных их библейским образам.

Ключевые слова: З. Гиппиус; притча; животные; образ; икономия; сотериология; христианство; Библия.

ВОБРАЗЫ ЖЫВЁЛАЎ У ПАРАДЫГМЕ ХРЫСЦІЯНСКІХ СВЯТАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРА З. ГІПІУС «І ЗВЯРЫ»)

А. А. Сізікава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, sizikovaanastasia64@gmail.com*

У дакладзе разглядаюцца вобразы жывёл у парадыгме хрысціянскіх святаў у прытчы Зінаіды Гіпіус «І звяры». Вызначаюцца жанравыя асаблівасці прытчы, іх вобразна-ідэйная спецыфіка. Асобная ўвага нададзена выяўленню падабенства і адрознення ў светапоглядзе пісьменніцы з традыцыйным хрысціянскім поглядам аб магчымасці пасмяротнага ўваскрасэння не толькі людзей, але і жывёл. Таксама аналізуецца спецыфіка мастацкага ўвасаблення жывёл у кантэксце іх біблейскага тлумачэння, вызначаецца адпаведнасць мастацкага малюнка жывёл іх біблейскім вобразам.

Ключавыя словы: З. Гіпіус; прытча; жывёлы; вобраз; іканомія, сатэрыялогія; хрысціянства; Біблія.

Часто в сложные моменты своей жизни человек нуждается в добром совете. Наставит его на истинный путь в таком случае помогает притча, где за вуалью аллюзий и иносказательности скрыта ценная мудрость.

Притча – это эпический жанр, повествовательное произведение малого объема, которое носит назидательный характер. По определению С. Аверинцева, «притча – дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне» [1]. Но, в отличие от басни, в притче нет конкретных описаний места, времени действия, характеров или внешности героев, поскольку главная цель данного жанра – не изобразить события, а сообщить о них. В притче первостепенное значение имеет лишь выбор, который совершает предстоящий в обобщенном образе человек. Если в басне мораль звучит открыто, вокруг нее строится весь сюжет, то в притче читатель сам приходит к логическому умозаключению, делает нравственный вывод из притчевого поучения, выраженного в иносказательной форме.

Как отмечает Е. А. Струкова, в русскую литературу притча входит «вместе с христианством, с первыми переводами текстов Священного Писания, оказав огромное влияние на всю жанровую структуру»; это жанр, который ушел своими корнями в глубину веков, «во времена древнееврейской, раннехристианской, средневековой литературы» [4, с. 21]. В Ветхом Завете притчи содержатся, например, в Книге Притчей Соломоновых, но они, как правило, обобщенно выражают духовный смысл, а не выражены в иносказательной форме, как прочие. В более привычном нам виде притчи появляются в Новом Завете.

В данной статье будет рассмотрена идейно-образная специфика литературной притчи З. Гиппиус «И звери».

Развитие событий в данном произведении происходит во время Пасхи. Это время не обозначено хронологически, но выявляется посредством повествования о беседе главных персонажей, каковыми здесь являются животные, птицы и ангелы. Собравшись в группу, звери обсуждают несправедливость того, что вслед за Христом после смерти воскреснут и люди, а они сами – нет. Именно Воскресение Христово является залогом человеческого Воскресения: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его» [2, 1Кор 15:22–23]. При том, что человека животные единодушно признают злым и глупым существом, а самих себя – вынужденными ему прислуживать и терпеть несправедливость со стороны потомков Адама и Евы.

Будучи образованной в религиозной сфере (вместе со своим мужем Д. С. Мережковским она организовала и проводила Религиозно-философские собрания), Гиппиус не могла не знать, что души животных, в отличие от человеческих душ, являются смертными. Само Священное Писание прямо не говорит ни о смертности, ни о бессмертии душ животных, од-

нако мнение именно о смертности последних основывается на святоотеческом учении. Так, например, св. Василий Великий и Симеон Новый Богослов придерживались мнения, что души животных смертны.

Говоря об образах животных вообще, употребляемых в Священном Писании, в первую очередь, следует отметить евангельский зооморфизм, символически обозначающий святых апостолов: изображения четырех живых существ, которые древняя иконографическая традиция присвоила евангелистам (лев, телец, орел и человек). «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему» [2, Откр 4:7]. Эти символы заимствованы из видения Иоанна Богослова. Те животные, которые фигурируют в произведении, в Библии упомянуты мимолетно, чаще всего они могли выступать в роли сравнения с человеком.

Довольно интересен способ общения животных друг с другом и ангела с ними. Гиппиус употребляет такие глаголы как «сказали», «поговорили», но, как подчеркивает автор, звери не используют слова, как люди, а «иным способом сообщаются, и притом так скоро и верно, что вести между ними распространяются по всей земле быстрее, чем по телеграфу» [3, с. 1]. Ангел отвечал им «не словами, а может быть, и словами, – но так, что все звери его слышали» [3, с. 2]. Такой способ общения косвенно доказывает тот факт, что животные воспринимаются автором как часть мира, возможно, более близкая к земле, к изначальному мирозданию, более невинная, чем люди, поскольку для общения им, в отличие от людей, не требовалось физических действий и манипуляций. Фактически, они говорят с ангелами на одном языке.

Право видеть ангелов дано лишь зверям, а люди могут лицезреть их только в детстве. Это также доказывает приведенный выше тезис. Библия гласит о том, что люди должны быть подобны детям: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [2, Мф 18:3]. Гиппиус приравнивает душевное состояние зверей к состоянию детей, отождествляет их чистоту.

Осел подтверждает это, рассказывая историю про свою прапрабабушку ослицу, которая вынуждена была остановиться перед ангелом. Пророк Валаам стал ее за это бить, ведь ангела он не видел. Осел лишний раз убеждается, что даже перед пророком ангелы сразу не являются, а животные их видят каждый раз: «Человек не видит – и ведь какой человек! Пророком считался» [3, с. 1]. Поэтому понять, почему воскреснут только люди, они не могут.

Зинаида Гиппиус ссылается на библейскую историю про пророка Валаама, который ехал на ослице к земле Моавитской, а прямо перед ним появился ангел, загородивший путь. Валаам не видел его и три раза ударил

ослицу, пока та не заговорила с ним: «Ангел Господень опять перешёл и стал в тесном месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево. Ослица, увидев Ангела Господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он бить ослицу палкою. И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьёшь меня вот уже третий раз?» [2, Чис 22:26–28].

Курица в притче реализует архетип матери. Она готова рискнуть своей жизнью ради спасения жизни птенцов. У нее кривая шея, «потому что однажды громадный щенок бросился на ее цыплят, она бросилась их защищать, и щенок куснул ей шею» [3, с. 1]. Она ради сына и «пропасть» готова, лишь бы он был жив, лишь бы любить его. Любовь для нее – движущая сила.

Из птиц автор упоминает также красношейку, которая, по преданию, из сострадания помогала Христу, когда Его распинали. Она пыталась выдернуть своим клювом гвозди из Его рук, когда «кровь Его брызнула им на шейку» [3, с. 1]. С тех пор на том месте у нее стали расти красные перья.

Лучшим другом и защитником человека традиционно считается собака. Таким и создает этот образ в своей притче З. Гиппиус. Преданное человеку животное, любит его всем сердцем, хоть и считает, что люди его не понимают. Она не боится даже смерти под забором, от чистых и светлых чувств собака не отказывается: «Я – собака, пес, и люди меня часто не понимают и сдохну я под забором, – а все-таки хочу, чтоб если не мы – так хоть люди пусть воскресают!» [3, с. 2].

Но в христианской традиции отношение к собакам иное: в Священном Писании Ветхого Завета данные животные упомянуты с уничижительной характеристикой. Они представлены злыми, кровожадными и подлыми созданиями. В народе считается, что именно в собаку часто обращаются демоны и приходят в ее образе к людям.

В парадигме новозаветной традиции отношение христиан к собакам стало более лояльным, так как многие хозяева заводили их в качестве домашних животных, охранников жилья, об этом свидетельствуют следующие строки: Христос «сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» [2, Мф 15:26–27]. Богословы утверждают, что изначально Бог сотворил всех живых существ чистыми и достойными любви, а после грехопадения людей, по слову апостола Павла, «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (от физической боли, от катастроф, от суровости законов природы) и с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, то есть, исправления человека [2, Рим 8:22]. В этом контексте собака никак не должна вызывать особо негативных чувств.

Образ кошки полностью противоположен образу собаки. Издавна кошки почитались во многих странах, в Древнем Египте существовал культ этих животных. Множество египтян поклонялись богам, изображенным в виде кошки или другого создания с кошачьей либо львиной головой. Бог солнца Ра в облике рыжего кота каждую ночь противостоял змею, который олицетворял хаос. Кошки также считались посредниками между богами и людьми, считалось, что они входят в потусторонний мир.

В отличие от собак, кошки в христианстве не подвергались «гонениям», они считались чистыми животными, даже могли заходить в храм. По преданию, кошка успокаивала плачущего Младенца Христа, в западной иконографии в комнате Девы Марии присутствует кошка.

Образ кошки в притче представлен как эгоистичное непокорное животное, знающее о своей исключительности. В отличие от других животных она готова критиковать не только людей, но и себе подобных: «Да, впрочем, и звери все глупы и противны. По мне, если сказать правду, лучше бы и звери не воскресали» [3, с. 2].

Кошка считала себя избранной, способной «одной жить вечно». Этот путь греха ведет только к гибели. Господь говорит о невозможности прощения тех, кто сознательно противится Богу и Истине [2, Мф. 12:31–32]. Единственно возможный путь к спасению – это путь любви к ближнему. И потому «глаза всех зверей с сожалением обратились на кошку» [3, с. 3]. Однако даже она показана Гиппиус как существо, в чье сердце вселилась надежда на спасение, хоть она и осознавала, что для этого ей предстоит пройти определенный путь: «И хоть никого еще не любила, все-таки принялась на что-то надеяться» [3, с. 3].

Резюмирует рассуждения зверей Ангел, хотя он не дает им прямого ответа на вопрос, но по его намекам у животных появляется надежда на воскресение. «Ты сама сказала, что хочешь всегда любить», – отвечает он вопрошающей курице [3, с. 2]. Ангел говорит о любви как двери в вечную жизнь. Так, 3. Гиппиус напоминает, что Бог есть любовь, и жизнь вечную можно наследовать только через Бога, по слову апостола Иоанна: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» [2, 1 Ин. 4:16]. Ведь изначально человек был создан как хозяин, повелитель природы, а весь тварный мир может прийти к Богу только через человека. Адам пал и тварный мир отделился от него. Посредством Воскресения Христова дорога к божественной вечной благодати вновь открылась.

Так, за образами животных скрывается более глобальный вопрос – вопрос спасения (сотериологии) вообще. Если христиане могут воскреснуть вслед за Богом, то возможно ли это для тех, кто не крестился, кто находится вне Церкви? И воскресение для них, в контексте произведения,

это не просто воссоединение души и тела, а желание обрести именно жизнь вечную (в отличие от вечной смерти, уготованной грешникам).

С догматической точки зрения спасение для некрещеных принципиально невозможно, так как последствия первородного греха не позволят искаженной грехом человеческой природе соединиться со Спасителем.

Но с икономической точки зрения допускается, что спасение возможно и без видимого вступления в Церковь. Примером тому служит спасение благоразумного разбойника, распятого на кресте рядом с Иисусом Христом на Голгофе. Причем это не противоречит Священному Писанию, где сказано, что спасение возможно только во Христе «... ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» [2, Деян 4:12].

В результате, прослеживается явная параллель между рассуждениями учителей Церкви, которые не дают однозначного ответа о посмертной участи некрещеных людей других живых существ, и Ангела, также не дающего прямого ответа на поставленный вопрос: «Любовь никогда не пропадает. Если любишь – значит, и воскреснешь. И ты, курица. Любишь сынка – ну, и воскреснешь, чтобы любить его дальше» [3, с. 2].

Таким образом, посредством образов животных З. Гиппиус обращается к важным темам спасения человека и мира вместе с ним. Автор открыто ставит вопрос о воскрешении животных, полагая, что именно любовь приведет их души к жизни вечной.

Библиографические ссылки

1. *Аверинцев С. С.* София-логос. Словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/165 (дата обращения: 14.02.2023).
2. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета : в рус. пер. с парал. местами и прил. М. : Российское библейское о-во, 2001.
3. *Гиппиус З. Н.* И Звери. [Электронный ресурс]. URL: http://www.christianart.ru/pdf_book/Gippius.pdf (дата обращения: 14.02.2023).
4. *Струкова Е. А.* Жанровые элементы притчи в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Извест. УрГУ. 2007. № 53. С. 21–27.